

Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках

Для успешного сравнительно-исторического исследования группы родственных языков необходимо хотя бы предварительно реконструировать первичные формы отдельных явлений в каждом из сравниваемых языков. При этом следует интересоваться всеми фактами, какими располагает каждый язык, не оставляя в стороне так называемые экстралингвистические данные (этнографические, фольклорные, мифологические и т. п.), которые в той или иной мере могли бы способствовать восстановлению искомых форм.

Иначе говоря, кроме фоморфологических и семантических соответствий, обычно изучаемых в алтаистике, важно учитывать выпадение и спонтанное чередование звуков, образующих варианты основы, иногда далеко уводящие от их исходной структуры, а также фузирванные омертвевшие морфемы, выявляемые путем системно-дистрибутивного анализа.

Этим самым можно установить своеобразную этимологическую парадигматику или ряды диахронически изучаемых явлений. Иначе мы не достигнем нужных результатов в решении алтаистических проблем, а наши этимологические исследования будут носить во многом поверхностный характер.¹

Одной из кардинальных сложных проблем в алтаистике является соотношение заимствования и генетического родства языковых единиц, сосуществующих в сравниваемых языках.

Мне кажется, мы часто грешим тем, что рассматриваем заимствования и факты генетического родства как два абсолютно исключающих друг друга явления. Поэтому очень важно тщательно проследить, в каких отношениях находится заимствованное

¹ Об этом же на основании исследования материала индоевропейских языков в более решительной форме писал Э. А. Макаев: «Когда исследователь лишен возможности установить в двух или более сравниваемых языках, идет ли речь об исконных или заимствованных словах, представляется целесообразным давать ареальные изоглоссы лишь в том случае, когда более или менее известна история и этимология слова. . . В противном случае неизбежны произвольные построения» (Проблема индоевропейской ареальной лингвистики. М., 1964, стр. 20).

явление с другими фактами, которые можно наблюдать в данном языке.

Приведу пример из сопоставления двух близкородственных языков — монгольского и бурятского, в генетическом единстве которых не может быть никаких сомнений.

Слово *төсөв* 'план' в бурятском заимствовано из монгольского языка. Об этом свидетельствует фонетический облик слова со свистящим глухим с вместо фарингального придыхательного *h* и само значение слова, хронологически позднейшее, употребляемое без деривативных семантических окружений.

В самом монгольском языке *төсөв* имеет исторически последовательную цепочку значений — 'предположение', 'наметка', 'смета', 'бюджет' — которая указывает на его происхождение от глагола *төсөх* 'понимать в основном', 'предполагать', 'разбираться'. В бурятском же находим только вторичный глагол *туһоох* 'угадывать', 'узнавать по сходству, по подобию', т. е. обобщенно 'предполагать', 'намечать'. В бурятском, следовательно, нет ни разновидности *төсөв* ~ *төһөв*, ни начального глагола *төһөхө*. Но тем не менее в генетическом родстве монг. *төс-* и бур. *тоһ-* не может быть сомнения: основа у этих слов одна и та же. В бурятском утрачены первоначальные морфологические и семантические звенья этого слова, как например в современном монгольском утрачены первичные значения слова *зүхэл* 'брань', 'проклятие' (ср.: бур. диал. и ст.-монг. *зүхэли* 'шкура барана с головой, повешенная на вертикальный шест при жертвоприношении'; бур. диал. *зүхэли* 'длинноногий, высокий, крайне истощенный человек'; юмээн *зүхэли* 'о, проклятие' (букв. 'повешенная шкура чего-то'); бур. *зүхэх* 'повесить шкуру с головой на шест').

Другой пример: слово *хамжалга* 'дворовый', 'крепостной' заимствовалось бурятским языком для специального текста. В некоторых бурятских говорах *хамжалга* означает 'присоединение, объединение усилий', 'помощь'. Бурятский глагол *хамжаха* (от основы которого происходит бур. диал. *хамжалга* 'присоединение') означает 'присоединяться', 'объединяться', а между тем тот же глагол в старописьменном монгольском означает 'переходить', 'соединять', 'присоединять к другому', 'причислять', впоследствии 'прикомандировать' — от основ этого глагола в указанных значениях и происходит монг. *хамжилга* 'дворовый', 'крепостной' (ср.: ст.-монг. *хамжилга арад* 'присоединенный простолюдин'). Вот этих важных семантических звеньев — 'присоединять', 'причислять' — в бурятском нет, что создало непроходимый разрыв между бур. *хамжалга* 'объединение' и монг. *хамжалга* 'крепостной'. Поэтому *хамжалга* 'крепостной' заимствовано от монголов, оно не могло в бурятском перескочить ступень значений 'причислять', 'присоединиться'. Несмотря на такой большой разрыв, бур. *хамжалга* 'объединение', 'присоединение',

с одной стороны, и бурятское заимствованное и монгольское исконное *хамжалга* 'крепостной', с другой, генетически родственны. Если и между другими словами устанавливалась бы такая же соотносительная связь — в тюркских, с одной стороны, и монгольских, с другой, — то генетическое родство между ними категорически отвергалось бы. Но согласиться с такими этимологическими заключениями нельзя.

Нужно четче отличать историю слова от его этимологии, от происхождения его корневой основы. В результате неразличения этих двух сторон одного явления некоторые исследователи грешат против истины и подходят к решению вопроса односторонне. К сожалению, такой односторонностью страдают в известной мере и некоторые ранние этимологические выводы Б. Я. Владимирцова. Так, например, в своей статье «Турецкие элементы в монгольском языке», опубликованной около 60 лет назад, Б. Я. Владимирцов писал: «Возьмем монгольское слово *кесег* (халх. *хесек*) 'часть', 'кусок', 'обрезок'. На монгольской почве это необъяснимо. В турецком же мы встречаем в Дж., Осм., Кар., происхождение понятно: verb. *кес* 'резать', 'отрезать'. . . Монголы заимствовали это слово целиком, и морфологический состав слова ими не создавался».²

Ход рассуждений в данном случае таков, о котором я говорил выше: *хесег* в монгольском заимствовано, у него нет первоначальных значений 'резать', как в турецком; следовательно, его происхождение в тюркском понятно, а в монгольском необъяснимо. При этом автор не привлекает этимологическую парадигматику на монгольской почве. И это понятно, если мы примем во внимание, что эти работы написаны, когда монголистика как наука находилась еще в начальном периоде — ни живые монгольские диалекты, ни отдельные монгольские языки (особенно во Внутренней Монголии) не были известны научному миру.

К тому же Б. Я. Владимирцов (вслед за В. В. Радловым) аффикс *-к(э)* в отглагольных именах склонен был отнести к тюркским формативам. Правда, об этом он не говорил прямо, но, находя, что суффикс *-к* очень распространен в турецких наречиях, относит к тюркизмам монг. *сура-э* 'слух', 'весть', 'известие', 'распросы' < тюрк. *сура-* 'спрашивать', а между тем это слово в равной мере можно возвести к весьма распространенному в монгольских наречиях (но не в старом письменном языке) глаголу монг. *сур-а-х*, бур. *хур-а-ха* (соответственно бур. *хураг* 'слух', 'известие', 'слава') 'спрашивать', 'учиться', 'обучаться', отсюда *сур-га-х*, бур. *хур-га-х* 'обучать', 'учить' и т. д.

В монгольских языках этимологическое родство слов нередко бывает замаскированным, с утраченным звеном или подзвеньями;

² В л а д и м и р ц о в. Турецкие элементы, стр. 18 (пагинация указана по отдельному оттиску).

к такому роду слов относятся, например, монг. *хэсэг*, бур. *хэнэг* в значениях 'кусок', 'часть', 'группа', монг. 'часть времени', бур. диал. 'грозовой дождь', бур. литер. 'редкий дождь' и т. д. Монголисты вслед за Б. Я. Владимирцовым признают, что на монгольской почве это слово необъяснимо. Отсюда делается вывод: если в турецком происхождение *хэсэг* в значении 'кусок', 'часть', 'обрезок' восходит к 'резать', то нет сомнения, что в монгольском оно заимствовано.

Мне кажется, что слово вполне объяснимо и на монгольской почве. Должен отметить, что начальный корневой элемент в монгольском существует в виде самостоятельного слова, — правда, с ограниченной степенью сочетаемости и употребления; в старом письменном монгольском языке, в словарях Ковалевского и Голстунского *хэс* объясняется в значениях: 'обрубом', 'обрезом', 'обрывисто' (например, о скале, горе, утесе); 'чик' (т. е. резануть острым ножом). Слово это употребительно в сопровождении служебной глагольной формы *хийм* < *хэсхийм* 'делаемый' и в толковом словаре современного монгольского языка Цэвэла имеет значение 'берег', 'скала', 'отвесно, прямо рубленные'. В монгольских языках обнаруживается много односложных корней, выступающих в функции «усилителей», по модели похожих на *хэс* и родственных с соответствующими глагольными корнями: ³ *тас* (от *таслах* 'рвать') соответствует рус. *раз-* (в слове *разрубить*), *суу* 'насквозь' (от *суулах* 'проткнуть') — рус. *про-* (в слове *прорубить*) и т. д.

Слово *хэс* в значениях 'обрубленно', 'обрезом', 'обрубом', 'обрывисто' несомненно в родстве с глаголом *хэсэх*, существовавшим некогда в значениях 'резать', 'обрубать', 'делить' и т. д., как и тур. *кэс-* 'резать'. Но в монгольских языках это звено выпало. В современном языке *хэсэх* (ст.-письм. монг. *хэсэхү*), по Цэвэлу, имеет значение 'там и тут скитаться', 'ходить, бродить по аилам' или же 'переходить из одной группы селений в другую'; по Лувсандэндэву — 'бродить по домам', 'ходить в гости'. Еще отдаленнее бур. *хэнэхэ* (монг. *хэсэх*; ст.-монг. *хэсэхү*), которое в бурятских наречиях воспринимается в значениях 'терпеть какие-либо невзгоды или неприятности, наносящие ущерб желанию'; 'отнимать у кого-либо всякое желание или охоту к чему-либо'; у Голстунского — 'отучивать от чего-либо', 'обуздывать', 'исправлять' и т. д.; по К. М. Черемисову — 'отучить', 'исправлять', 'раскаиваться'. Таким образом, в современных языках значения 'обрубать', 'обрезать', 'отнимать', 'делить' и т. д. имплицитно существуют

³ Т. А. Бертагаев. 1) О морфологическом строе бурятского языка. М., 1961, стр. 16—17; 2) Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, стр. 24—27; Л. Б э ш э. Монгол хэлний үйл үгийн угтварын тухай Монголын судлал, т. VI, вып. 9—14. Улаан-Батор, 1967, стр. 93—97; Ц э в э л. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаан-Батор, 1966.

в монгольском и бурятском глаголе *хэсэх*, *хэнэхэ* и хорошо вскрываются, несмотря на семантический разрыв, на фоне первичного корня *хэс-* (ср. с чередующимся по заднему ряду гласных: монг. *хас-ах*, бур. *хah-аха* 'урезывать', 'вычитывать', 'отнимать', 'сокращать', 'убавлять', 'уменьшать', 'вычитание', 'минус', — в бурятском еще и 'рассыхаться', — а также со звонкой разновидностью *хаз-ах* 'откусывать', 'кусать' и др.).

Следовательно, *хэсэх* и в монгольских, и в тюркских языках имеет родственные корневые элементы.

В том же аспекте нужно рассматривать монг. *булэг* 'группа', 'кучка', 'клика', 'банда', 'глава', 'раздел', которое, будучи сравниваемо с тюрк. *бөлүг* 'отдел', 'глава', восходящим к глаголу *бөл-* 'делить', 'отделять', безоговорочно признается заимствованием из тюркских языков. Между тем, в самих монгольских языках имеется его корневой элемент *боло* 'семья', 'двоюродные братья и сестры', т. е. группа родственных лиц, отсюда *бул-э-э-м* 'группа', 'кружок', 'общество', но и бур. *бул-э-х(э)* 'сбивать масло', т. е. 'отделять масло от сыворотки', 'выделять масло из массы молока' и т. п. А в значениях 'выделять', 'выдвигать', 'выделенное' корень *бул-* находится в глубоком этимологическом родстве с группой слов, означающей нечто выделяющееся или нечто выдвинутое: *бул-т-л-э-х* 'выбивать', *бул-т-гэр* 'пучеглазый', *бул-уу* 'нечто утолщенное', 'пишка', *бол-с-уу* 'наконечник стрелы', *бол-д-о-г* 'бугорок' и т. п.

В качестве одного из важнейших признаков тюркизмов в монгольских языках Б. Я. Владимирцов выдвигает совпадение имен с конечной гласной с основой глагола: «... мы встречаем в монгольском языке, — пишет он, — помена *verb*., оканчивающиеся на *а*, *е* и объясняемые только из турецкого языка как образования имен от глагольных корней при помощи аффикса *а*, *е* и, наоборот, образования глаголов от имен. Такого образования монгольский язык не знает».⁴

Хотя в монгольских языках имен и глаголов, совпадающих между собой, не так уж много, но в качестве реликтовых явлений можно привести десяток примеров, доказывающих обратное тому, что утверждал Б. Я. Владимирцов: бур. *хаб-ша* 'щип', 'прижмы' и *хабша-* 'прижми', 'сожми'; мо. (Сокр. сказ.) *тулу* 'столб', 'подпорка' и монг. *тула-* 'подопри'; бур., монг. *алха* 'шаг' и *алха-* 'шагай'; монг., бур. *шим(э)* 'сок' и *шимэ-* 'высасывать', 'сосать'; бур. *үмхэ* 'кусок' и *үмхэ-* 'откусывай'; монг. *атга*, бур. *атха* 'горсть' и *атга-*, *атха-* 'бери горстью', 'сожми в кулак'; монг. *чимх(э)*, бур. *шэмхэ* 'щепотка' и монг. *чимхэ-*, бур. *шэмхэ-* 'ущини', 'пощипывай'; *тоо* 'число', 'счет' и *тоо-* 'считайся' (< *тоохо* 'считаться'); бур. *ээлэ* (парное — *ээл тээл*) 'едва', 'еле-еле' и бур. *ээлэ-* (< *ээлэ-хэ* 'еле-еле вырваться из

⁴ В л а д и м и р ц о в. Турецкие элементы, стр. 20.

беды', 'с трудом обойти опасность'); бур. *холхи* 'шаткий', 'неустойчивый' и *холхи-* (< *холхи-хо* 'шататься', 'болтаться'); бур. *эрхэ* 'каприз', 'привередливость' и *эрхэ-* 'капризничай'; *тальхи* 'кожемялка' и *талхи-* (< *талхи-ха* 'мять'); бур. диал. *зай* 'пространство', 'промежуток' и *зай-* (< *зай-ха* 'переходить от места к месту', 'бродить по аймам'); бур. *хэлэ* 'язык' и *хэлэ-* 'скажи'; бур. *сарса* 'мелкий' и *сарса-* 'забрызгивай'; *шара* 'желтый' и *шара-* 'жарь' (цвет жареного мяса считается у монгольских племен желтым); бур. диал. *онгой* 'отверстый', 'открытый' и *онгой-* 'открой' (например, рот); бур. диал. *ангай* 'разинутый' и *ангай-* 'разинь' и т. п.

Столкнувшись с подобного рода явлениями, мы не можем без колебаний глаголы с окончанием *а*, *е* отнести к заимствованиям из тюркских языков. Ко всему этому Б. Я. Владимирцов приводит в некоторых случаях не совсем удачные примеры: *заха* 'край', 'берег', 'воротник' (но *verb. жагала-* 'обшивать', 'оторачивать'), тур., уйг., чаг., осм. *јака* в тех же значениях < *verb. јак-* уйг., чаг., алт. 'приблизиться', 'подходить'.⁵ Не говоря о том, что глагол *јак-* 'приблизиться', 'подходить' имеет мало общего с 'берегом', 'краем', глагол *јага-ла-* 'обшивать', 'оторачивать' — более близкий к последним — оказывается не тождественным в своей основе имени *заха* с морфемой *-ла-*. Или другой пример: монг. *јага* 'рана', 'язва', тур., осм., чаг. *јага* < *verb. јар-* 'расщепить', 'разбить', 'раздвинуть' + аффикс *-а*. Между тем *јага* на почве монгольских языков имеет более близкие основы, чем в тюркских: ср. бур. *ира-ха*, монг. *јага-х* 'раздвигать' (*хөшөг јагах* 'раздвигать занавес'), 'раскрывать'; бур. литер. *ар-б-ай-ха*, бур. диал. *жар-б-ай-ха* 'раскрыть пасть', 'показывать зубы'; бур. *ир-з-ай-ха*, монг. *јар-з-ай-х* 'оскалывать зубы', 'обнажать ряд чего-то', бур. диал. *зар-за-гар* 'широко раскрыть', бур. *зар-б-ай-ха* 'широко раскрывать пасть, рот', *зар-ба-гар* 'широко раскрытый', 'большеротый'.

Вызывает сомнение, что монг. *сана-х*, бур. *һана-х* 'думать о ком-то', 'вспоминать кого-то', 'тосковать о ком-то, чем-то', 'помнить кого-то, что-то', 'печалиться о ком-то', 'мыслить', 'задуматься' заимствовано будто бы из тюркских языков: «тур. осм. дж. *сана-* 'считать', 'ценить', 'думать', 'подумать' (пом. сан 'счет', 'число' + аф. *-а*)», как об этом там же пишет Б. Я. Владимирцов. Нет никаких признаков, указывающих на заимствованный характер монг. *сана-*. Появление в тюркском имени *сана* 'счет', 'число' не доказывает его первичность. Скорее всего оно вторичное и образовано от глагола. Нам представляется, что семантически 'счет', 'число' не должны предшествовать таким значениям, как 'дума о ком-то', 'тоска по кому-то', 'вспоминание о ком-то, чем-то' и т. п.

⁵ Там же, стр. 20 и сл.

Прежде чем выработать отвлеченное понятие о счете, о числе, люди долгое время не представляли их отдельно от самого предмета в виде отвлеченного количественного признака.

Далее Б. Я. Владимирцов пишет: «Напр. монг. *эл* 'согласие', 'мир', 'союзник'; *элчи* 'посол'; *элчил үгэй* 'пустынный', 'безлюдный'. Как *элчи*, так и *элчил үгэй* < *эл*, но из монгольского *эл* 'согласие', 'мир' их объяснить трудно в семасиологическом отношении. В турецком *эл* значит 'группа племен, которые пользуются самостоятельностью и составляют одно политическое целое'; 'кочевое государство', 'племенной союз'; уйг., чаг. 'народ'; осм. 'люди прихода', 'чужие', 'другие', 'люди вообще', 'страна', 'губерния'; чаг., уйг. 'мир', 'согласие', кирг. *ал* 'племя', 'народ', 'люди', 'мир', 'согласие'. «Несомненно древнейшее и основное значение *эл* 'племенной союз'... Производным от *эл* словом будет *элчи* (уйг.) 'правитель народа'; значение, прямо вытекающее из основного значения *эл*... когда уйгуры были подвластны монголам, находим слово *элчи* в значении 'чиновник'. ...В одной *sutra*, несомненно переведенной с уйгурского на монгольский... слово *эл* употребляется в значении 'народ', 'племя': *эл улус-уні кімаралдаху дајісун* 'враг, с которым враждует народ', — все это до образования монгольской империи.⁶

Отметим, что Б. Я. Владимирцов монг. *эл* 'согласие', 'мир', 'союзник', как видно из приведенной цитаты, не относит к заимствованиям из тюркских, как об этом писал А. М. Щербак: «Пользуясь семасиологическим анализом, Б. Я. Владимирцов устанавливает тюркское происхождение таких монгольских слов, как *el* 'мир', 'согласие', 'союзник' и *elči* 'посол'». Речь идет только о словах *алчи* (*elči*) 'посол' и *элчил үгэй* 'пустынный', 'безлюдный'. Б. Я. Владимирцов не случайно умалчивает о происхождении монг. *эл* (*el*) в значениях 'согласие', 'мир', 'союзник'. Это вызвано, очевидно, тем, что генетическая сущность *эл* представлялась ему неясной. И все его высказывание оказывается противоречивым. Древнейшим и основным значением тюрк. *эл* он признает 'племенной союз'. Но монг. *эл* тоже имеет близкое и родственное тюркскому значение 'союзник'; кроме того, по утверждению Б. Я. Владимирцова, до образования монгольской империи в сутре, переведенной с уйгурского на монгольский, слово *эл* употребляется в значениях 'племя', 'народ'.

Интересно, что Б. Я. Владимирцов, говоря о невозможности возвести *элчи* 'посланник' и *элчил үгэй* 'безлюдный' к монг. *эл*, опускает значение 'союзник' и не объясняет, на какой почве

⁶ Там же, стр. 24—25.

⁷ А. М. Щербак. О методике исследования языковых параллелей (в связи с алтайской гипотезой). М., 1960, стр. 7.

развились это значение. Очевидно, у автора не было основания отнести его к заимствованиям.

Слово *эл* в монгольских языках, выступающее иногда в виде варианта *ил*, имеет много значений: 'луч', 'тепло' (ср. *элч*, *илч*), 'нора (зверей)', бур. *эли* 'детеныш изюбря', монг. *ил* 'детеныш оленя', 'мир (согласие)', 'союзник', *эл* 'друг' (по Цэвэлу, *эл дайсан янаг ба өшөөтө* 'друг и имеющие кровную месть'), наконец, 'целое', 'всё' (по Цэвэлу, *бүгд*, *байгаа бүх* 'всё целиком', 'всё, что есть'). Оно имеет много производных образований, одно из них — монг. *эл-э-г*, бур. *эль-гэн* 'кровное родство', *нэгэ эльгэнэй* 'одного происхождения', 'одного рода'. Из этого становится ясным, что основное, первичное значение *эл* // *ил* — 'родственное', 'общее происхождение', 'единое целое', 'род', 'племя', 'союз', 'союзники'; отсюда *элчи* 'представитель рода, племени', монг. 'голец', 'нарочный' и 'носок' (ср.: бур. *эл-г-эх*, монг. *ил-г-эх* 'посылать', 'отправлять от рода и племени').

Б. Я. Владимирцов считает, что слово *ангучи* 'охотник', имеющее аффикс *-гучи*, не свойственно монгольским языкам, так как образование имен и именных основ при помощи *-гучи* в монгольском не известно, с помощью аффикса *-гачи*, *-гечи* образуются имена от глагольных основ. Это объясняется из турецкого: тур. *аугучи* от *ау* + *-гучи* (аффикс для образования *nomen agentis*).

Б. Я. Владимирцов почему-то не принимает во внимание, что в корне *ау-* конечная согласная — фарингальная, которая при появлении за ней гласной фонемы переходит в сочетание звуков *нг*, т. е. *ау* > *анг* + *у* + *чи*, где *у* представляет соединительную гласную между двумя морфемами, оканчивающимися на согласные (*ау* + аффикс деятеля *-чи* > *анг* + *-у* + *-чи*). В монгольских языках нередко находим имена с *-гучи*, *-гачи* от именных основ: бур. *хобууши* ~ *хобагучи* 'сплетник' от *хоб* 'сплетня', бур. *шогууши* ~ *шогагучи* 'шутник' от *шог* 'шутка', бур. зап. *аянгууши* ~ *аянгагучи* 'любитель манерничать' от *аянга* 'манера', бур. *зонгууши* ~ *зонгөгучи* 'провидец' от *зон* 'инстинкт', 'предчувствие' и т. п. В указанных словах начальная гласная комплекса *-агу-*, *-огу-*, переходящего в долгую гласную, служит одновременно и соединительной гласной.

«Монгольское *заргучи* 'судья' (тур. *аргачы* 'правитель', 'судья'). На монгольской почве можно думать, что *заргучи*, *заргу* + аф. *-чи*, но этимология этого самого *зарга(у)* необъяснима, объяснение находим опять в турецком. Тур. дж. *аргучы* 'судья' < *јар* - 'обсудить', 'судить', verb. *јар* > *јаргу* (пом. при помощи аф. *-гу*) 'судебное решение', 'процесс', 'решение' + аф. *-чы*, т. е. получается аф. для образования *nomen agentis гучи*».⁸

Первоначальный корень слова *зарга* ~ *зар* - в монгольском

⁸ См.: Владимирцов. Турецкие элементы, стр. 20.

означает 'направление или отправление кого-, чего-либо'. Отсюда глагол *зар-а-х* 'направлять кого-либо куда-нибудь', 'заставлять обслуживать себя или направлять по своему делу' и чередующаяся разновидность (*р // л*) — *зал-а-х* 'направлять', 'править', 'управлять', 'выправлять' и т. д. Кроме того, *зар* 'оповещение', 'обнародование', т. е. отправление в народ какого-нибудь приказа, решения и т. д. Следовательно, *jar- // зар-* на монгольской почве столь же оправдано, как на тюркской.

Несомненно, очень заманчиво оперировать фонетико-морфологическими данными при определении заимствованных слов. Казалось бы, что может быть объективнее и точнее анализа материальной стороны слова для характеристики его происхождения?

Но язык, особенно народный, поступает со всеми иноязычными словами, как мельничные жернова с зернами. Он безжалостно разрушает материальную оболочку слова, подводя его под собственную фонетическую норму, так что в конечном счете ничего не остается от того своеобразия, которое было свойственно этому слову до заимствования.

Если бы такие слова, заимствованные из русского языка, как бур. *шээрэнхы* 'спичка' (<сережка < сера), бур. *нушан* 'лучина' (с переходом *л* в *н*), *өшөө* 'еще', монг. *арааджа* 'радио' и т. п., вошли в бурятские и монгольские языки недавно, то мы не были бы уверены в их иноязычном происхождении. А это еще в большей степени относится к заимствованиям из структурно-фонетически тождественных языков, в которых может быть значительное фонетическое совпадение слов, как в тюркском и монгольском. Поэтому вызывает недоумение столь категоричное утверждение А. М. Щербака о наличии системы закономерных фонетических различительных признаков в заимствованиях. «Чрезвычайно важным разграничительным признаком тюркских и монгольских элементов является фонетическая структура слова. Учитывая наличие в древних монгольских языках такой закономерности, как открытость или звонкое окончание слога и нетерпимость в конечной позиции шумных согласных, следует считать заимствованными из тюркских языков почти все слова с дополнительными гласными или сочетаниями гласных и звонких (преимущественно сонорных) согласных, — ср.: др.-тюрк. *kilānč* 'поступок', монг. письм. *kilinče* 'грех'; др.-тюрк. *sağdak* 'колчан', монг. письм. *sayaday*; др.-тюрк. *tamğa* 'печать', 'тавро', монг. письм. *tamaγa*; др.-тюрк. *arığ* 'чистый', монг. письм. *ariγun*; др.-тюрк. *kök* 'голубой', монг. письм. *kөke*; др.-тюрк. *jüräk* 'сердце', монг. письм. *jirüken*; др.-тюрк. *ärk* 'сила', монг. письм. *erke*; др.-тюрк. *barık* 'имущество', монг. письм. *baraγa*; др.-тюрк. *ajak* 'чаша', монг. письм. *aγaγa*; др.-тюрк. *jañ* 'год', 'возраст', монг. письм. *nasun* и многие другие».⁹

⁹ А. М. Щ е р б а к. О методике исследования. . . , стр. 7—8.

Какое у нас основание приведенные выше слова и многие другие считать заимствованными? Ведь они по своему фонетическому облику, даже по признанию А. М. Щербака, вполне укладываются в норму монгольских языков. На этом основании их можно было бы считать собственно монгольскими. Но А. М. Щербак, как можно видеть из его рассуждений, причислил их к тюркизмам лишь потому, что у них имеются тюркские параллели. Тогда незачем обращаться и к фонетической структуре слова. Все подобные монгольские и тюркские параллели можно просто объявить заимствованными из тюркских языков, — а они составляют более 70% всех имеющихся соответствий. Очевидно, к этому ведет и методика А. М. Щербака, основанная на его антиалтаистической вере. Но из этого, очевидно, ничего не получится. Если быть логически последовательными, то тюркские соответствия на основе тех же фонетических предпосылок, на какие опирается А. М. Щербак, с таким же успехом можно объявить заимствованиями из монгольского языка, так что установленный А. М. Щербаком фонетический «закон» имеет и обратную силу, а точнее — не имеет никакой силы.

Мне представляется, что большинство параллелей, приведенных выше, пока нет оснований считать заимствованиями — ни из тюркских в монгольские, ни из монгольских в тюркские языки.

При установлении этимологии слова, особенно в тех языках, в которых письменность возникла сравнительно поздно, нельзя руководствоваться одними только фонетическими данными. Генезис звуков и их историческое движение в ряде случаев остаются весьма проблематичными. Отдельные переходы могут быть и случайными. А. М. Щербак пишет: «Известно, например, что в древних тюркских языках общетюркский начальный **t* перед любыми гласными сохраняется без перехода в *ч*, в монгольских же языках начальный *t*- в позиции перед *i* переходит в *ч*. Если сравнить др.-тюрк. *müla-* 'слушать', *čida-* 'мочь' и монг. письм. *čingna* (< **tingna*), *čida-* (< **tida-*) с теми же значениями, то станет ясно, что в тюркских языках *čida-* не может быть закономерным продолжением общей тюрко-монгольской основы, так как в тюркских языках следовало бы ожидать *tida-*».¹⁰ Возможно, это и так. Но полной уверенности в том, что *čida-* в тюркском заимствовано из монгольских языков, нет и не может быть до тех пор, пока только единицы (не больше 5—6) из сотни монгольских слов с начальными *чи-* могут быть возведены к корню с *ti-* и пока, в частности, не возводится *čida-* к *tida-*. Б. Я. Владимирцов также писал, что не все монг. письм. *či* восходят к *ti*.¹¹ Поэтому на основании одних фонетических манипуляций трудно

¹⁰ Там же, стр. 7.

¹¹ См.: Владимирцов. Тюркские элементы.

сказать что-либо достоверное о происхождении *чида*. Нам кажется, что фонетические переходы всегда нужно согласовать с другими явлениями, могущими способствовать этимологическому анализу. К таким важнейшим факторам относится этимологическая парадигматика. Так, из приведенных выше параллелей только считанные единицы могут быть признаны заимствованиями, и то в виде гипотезы.

Слово *сагадаг* 'колчан' имеет преемственную связь с корнями таких слов, как монг. *сагад* 'барьер', 'препятствие', 'тормоз', 'затруднение' и др.-монг. *сагадаху*, монг. *саат-а-х* 'задерживаться', 'замешкаться'. Отсюда *сагадаг* 'то, что удерживает, служит барьером и препятствием для чего-нибудь'. Следовательно, *сагадаг* 'держатель (лука или стрел)'.¹²

Монг., бур. *ариг* 'чистый', корень *ар-* становится в один ряд с корнями следующих слов: *ар-чи-х* 'чистить', 'вычищать', 'убирать', 'стирать', 'обтирать'; бур., монг. *ар-ил-а-х(а)* 'исчезать', 'уходить', 'убраться', 'искореняться', 'выводиться', 'вычищаться', 'опираться', 'признаться'; бур. диал. *ар-и-ха* 'снимать верхний слой', 'вскрывать', 'переворачивать другой стороной' и т. д.; слово *көкө* ~ *хөхө* 'голубой (или небесный) цвет' непосредственно не связано в современном монгольском с *көк* 'небо', как в тюркском, но монг. *көкө* ~ *хөхө* некогда имело значение 'небо', об этом свидетельствуют мифологические имена, названия божеств и т. д. Например, в шаманистическом пантеоне у западных бурят находим название громовержца *хөхө-дой мэргэн*, буквально 'небесный стрелок'; у монголов *хөхө-дой* — название созвездия Пса. Слово *хөхө-дой* распадается морфологически на корневой элемент *хөхө-*, соответствующий слову *хөхө* 'небо', и аффикс *-дой*, *-дай* 'имеющий отношение к чему-нибудь', 'обладающий каким-либо свойством' (ср. собственные имена: *Баха-дай* 'страстный' от *бахан* 'страсть', 'охотник до чего-либо'; *Барья-дай* 'крикливый' от *барья* 'ори', 'орать'; *Хонхол-дой* 'углубленный' от *хонхол* 'углубление', 'яма' и т. д.).

В древней монгольской летописи «Сокровенное сказание. Юань-чао-биши» упоминается *көкөчү* 'волхв', 'служитель неба', как правильно поясняет Б. Я. Владимирцов.¹² Этого служителя неба, волхва, звали Тэб-Тэнгэри, что значит Центральное Небо (Небо из Небес). У хонхотадайского Мунлик-отца сыновей было семь. Среди семерых старший — *көкөчү* — волхв, по имени Тэб-Тэнгэри, говорится в «Сокровенном сказании».¹³

То же самое читаем у Рашид-ад-Дина: «Он (мунлик) имел сына по имени Кокэчу, которого монголы называли Тэб-Тэнгри. Обычай его был таков, что он раскрывал тайны, предсказывал будущие события и говорил: «Бог со мной беседует, и я посе-

¹² Б. Я. Владимирцов. Упоминание имени Тэб-Тэнгри в монгольской письменности. Доклады Росс. Акад. наук, 1924, стр. 116—117.

¹³ С. А. Козин. «Сокровенное сказание», т. 1. М.—Л., 1941, стр. 294.

шаю небо...». Монгольское простонародье и отдельные лица говорят, — и это стало общеизвестным, — что он ездил на небо на белом коне».¹⁴ Таким образом, *көкэчи* 'небесный', т. е. 'житель неба'.

Этот же корневой элемент *көкө* ~ *хөх* обнаруживается в древнейших бурятских и монгольских словах и именах некогда с культовым шаманистическим значением. Бурятское (монголами, очевидно, заимствовано у бурят) *хөх-шөн* означает в современном языке 'старая', 'старый', в некоторых говорах 'муж', 'супруг' (что значит 'старший в семье'). Отсюда *хөх-шо-рө-хө* 'стариться', *хөх-шо-д* 'старцы', 'старшинство', а в паре *хөхшөд һайдууд* ('старцы — лучшие') 'старшинство, возглавляющие род, клан', 'лучшие люди'. Известно, что у бурят-шаманистов древнейшей формой жертвоприношения были так называемые *тайлаганы* — общественные жертвоприношения, на которых шаманы не играли никакой роли и становились рядовыми участниками. Все жертвоприношения возглавляли *хөгшөн өвгөд* 'старшие' или 'старцы'. Еще в более древний период, во времена культа неба, старцы тоже были служителями неба, о чем свидетельствуют корневой элемент в слове *хөг-шөн* и аффикс деятеля *-шөн, -чин*. Следовательно, *көкө* не только 'голубой', но и 'небо', что сохранилось в современном эпитете Монголии — *хөхө монгол* 'Небесная Монголия', а не 'Голубая Монголия',¹⁵ как передают сейчас, исходя из современного осмысления. Ср. еще более поздний фразеологизм *хөхө дэвтэр* 'священная (небесная) книга', но не 'голубая книга'.

Современное монгольское *огторго* < *огторгуй* 'небо', 'небесный свод' распадается на морфемы *ог-тор-го*, ср. бур. диал. *бөх-төр-го* ~ *бөк-төр-го* 'северный округлый склон горы, покрытый лесом' от *бөхө* 'зад', бур. диал. *хав-тар-га* ~ *хавь-тар-га* 'приложенное', 'приклад' (например, карман) от *хави* 'ближний', 'близкородственный', *хав-сар-га* 'холодный ветер с таким приложением, как снег', *хав-сар-а-лта* 'приложение' и т. п. Элемент *ок-* из *ок-тор-го* с инициальным выпадением согласной *х*, что нередко в монгольских языках (ср. *хондгор* > *ондгор* 'выпяченный', *хурбэхэ* > *урбаха* 'переворачиваться', 'изменить', бур. *хэлхэз* > *өлхөө* 'нанизанное' и т. д.), может быть введен в виде

¹⁴ Рашид-эд-Дин. Сборник летописей. — В том же Сборнике летописей (т. 1, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 150) говорится: «На этом Курилтае за ним (Тэмучином) утвердили великое звание Чингиз-хан. . . Утвердившим это звание был *көкэчу*. . . его звали Тэб-Тэнгри; *көкэчу* — эпитет, наименование профессии, это видно из того, что оно расположено в препозиции, как принято в монгольских языках: бур. *бөө Булагат* 'шаман Булагат', *хончин Дамба* 'настух Дамба' и т. д.

¹⁵ Эта мысль была мне подсказана молодым монголистом Г. Ц. Пюрбеевым. Действительно, у древних монголов не было цветовых символов по отношению к стране, что может быть допустимо в нашем современном представлении.

*хөк-//хөг- (< хөхө), т. е. 'небо', окторго < *хөк-тор-го 'свод неба'.*

Допущение Б. Я. Владимирцова, а затем и А. М. Щербака, что *көкэ* заимствовано монголами у тюрков, остается недоказанным и маловероятным.

Др.-тюрк. *тамга* 'печатъ', 'тавро' и монг. *тамга* 'печатъ', бур. *тамага* 'тавро', 'знак', 'примета' и монг. *тэм-дэг* 'знак', 'примета' на основе чередования корневых гласных *a//э* вполне могут быть сведены к корневому элементу *там-//тэм*.¹⁶ Семантически они настолько близки, что, по Цэвэлу, составляют синонимичные парные слова *тамга тэмдэг* в значениях 'знак', 'примета', 'печатъ' и т. п. Разновидностью корневого элемента *тэм-* с опущенным инициальным зубным *т* является бур. диал. *эм*, монг. *им* 'знак', 'метка на ухе в виде разных надрезов', бур. *эмнэхэ*, монг. *имнэхэ* 'делать мету, знак на ухе путем надреза или подреза', кроме того 'дать знак глазами'. И вовсе не случайно *им* дается в словаре Лувсандэндэва в качестве парного синонима к слову *тамга* (*им тамга*, бур. диал. *эм тамга* 'тавро' и 'метка') и у Цэвэла в паре с *тэмдэг* (*им тэмдэг*, бур. *эм тэмдэг* в тех же значениях).

К числу монгольских заимствований из тюркских языков относят также письм. мо. *жирухэн* 'сердце', монг. *зүрхэн*, из др.-тюрк. *йурак*.¹⁷ Слово это распадается на следующие морфемы: *жир-ү-хэн ~ зур-хэн*. Этимологическими рядами корня *жир-* ~ *зур-* являются корни слова *жир*, которое у Цэвэла в третьем пункте значений объясняется таким образом: *хүний биений энд тэнд жирвэг жирвэг хийх* 'когда человеческое тело то там, то здесь вздрагивает'; приводится пример: *бие жир жир хийв* 'телo вздрагивает'.

Но Цэвэл не объясняет, что значит *жирвэг*. В бурятских же говорах в чередующейся разновидности *јирвэг гэхэ* означает 'делать подскоки', 'вздрагивать' (о быстро движущемся предмете, то виднеющемся, то скрывающемся), монг. *жиргэр* 'расположенный ровными рядами', бур. диал. *јир-гэр* 'стройный и видный', в парном сочетании *јир-гэр ~ јор-гор* 'выдающийся', 'выделяющийся и торчащий'; ср. бур. диал. *зур мяхан* 'мясо, выдающееся полоской'. Вообще-то корень *жир-* в монгольском находится в основе слов со значением 'стройный', 'ровный и выдающийся'. Одного корня с *жир-* и монг. *жир-ий-х* 'мчаться', 'нестись', 'растянуться', бур. *јир-ий-хэ* 'растянуть рядами' (о видном, заметном). Таким образом, в основе *жиру-хэн* лежит значение 'вздрагивать', 'двигаться', 'выделяться'.

На том же основании, что и приведенные выше слова, считается заимствованным «монг. письм. *барага* 'имущество', соот-

¹⁶ См.: Т. А. Бертагаев. Морфологическая структура слова. . . , стр. 162—164.

¹⁷ А. М. Щербаков. О методике исследования. . . , стр. 8.

ветствующее древне-тюркскому *барк*.¹⁸ Современные значения слова *барага* или *бараа* 'имущество', 'скарьб', 'пожитки', 'товар', 'материя', а также 'свита', 'спутник кого-либо' — вторичного происхождения. Первоначальное значение этого слова, сохранившееся в бурятских диалектах, — 'что-то темнеющее' (в «Сокровенном сказании» *baraa baria* 'тень', *baratutai* 'темный', *barian bolobo* 'стало темно' и т. д.); затем 'очертание', 'силуэт', 'видимость'. В переднерядной огласовке это слово представлено: бур. *бур-хий* 'темный', 'сумрачный', *бур-эг* 'неясный', 'неотчетливый', 'темный', *бур-эн-хий* 'сумерки', *бур-ий-хэ* 'становится неясным, темнеющим, сумеречным', *бур-э-н* 'сумеречная погода с мелкими дождями'; в чередующейся задней огласовке: бур., монг. *бор-оо* 'дождь' (в диалектах 'сумеречная или облачная погода'), *бор-оо-до-нон* 'буран', 'вьюга' (*бүрэн* < рус. *буран*); в парном сочетании: бур. диал. *бар-аа бор-оо* 'осенняя дождливая погода со снежком и ветрами' и т. п.

Корневые элементы *бар- ~ бур- ~ бор-* выражают значение 'сумеречное', 'серое' и 'темное', к ним же примыкает *бор-о* 'серый', 'сивый', *бор-л-о-х* 'становиться серым, сизым', монг. *боро чирай* 'темное лицо', 'смуглое лицо'. Значение слова *бараа* 'пожитки', 'скарьб', 'имущество' — переносное от значений 'что-то темнеющее', 'темнеющий силуэт', а значение 'свита', 'спутник' — от 'сопутствующее, как тень', 'нечто темнеющее вблизи важного, чиновного лица'.

А. М. Щербак находит полное соответствие между др.-тюрк. *јаш* 'возраст', 'год' и монг. *јил* 'год', между монг. *нас-ун* 'возраст' и др.-тюрк. *јаш* тоже правильно устанавливает фонетическое и генетическое сходство (*ј // н* и *ш // с*). Но он не видит закономерного соответствия между исконными монг. *нас-ун* 'возраст' и *жил* 'год'. И дальше он заявляет: «Если же предположить, что монг. письм. *nasu* и *jil* являются разновременными и разноместными заимствованиями из тюркских, то все трудности в объяснении соответствия *nasu ~ јил* в монгольских языках исчезнут».¹⁹

Но ведь в монгольских языках обнаруживается полное соответствие между *нас-у-* и *жил*. Известно, что монгольское *ж* и *ј* чередуются. Так же чередуются монгольские *н* (*н*) и *ј* (*й*), как и *н* (*н*) и *ж* (*ј*), а если иметь в виду, что такое чередование наблюдается между *с* (*с*) и *л* (*л*), то *нас-у* и *жил* имеют полное закономерное соответствие на собственной монгольской почве.²⁰

К тому же надо иметь в виду, что в «Сокровенном сказании» несколько раз встречается *жил-да* в значениях 'поздно', 'после',

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 8—9.

²⁰ Т. Г. Бертагаев. Морфологическая структура слова..., стр. 145 и сл.

‘к концу (дня)’ и т. п. Нет сомнения, корнем этого слова является *жил-*, а морфема *-да* — суффикс местного падежа, который всегда присутствует в наречиях места и времени: *ур-да* ‘раньше’, ‘вперед’, *хой-то* ‘после’ и т. п.

Отсюда можно догадаться, что первоначально *жил* означало ‘конец определенного отрезка времени’, ‘конец какого-нибудь сезона’, а затем стало употребляться в значении ‘год’, т. е. тоже конец отрезка времени или сезона.

Заимствования нельзя, конечно, считать фактами, исключаящими генетическое родство. Во-первых, слово, сводимое к корневому элементу, общему для сравниваемых языков, может быть иногда заимствовано родственным языком в оформлении, присущем тому языку, из которого взято. Во-вторых, заимствованное родственным языком слово может утратить звенья в цепи своего непрерывного развития под давлением экстралингвистических и других факторов, и вследствие этого отдельные семантические изменения могут быть представлены вне видимой связи.

Для установления характера лексических соответствий в предполагаемых родственных языках необходимо заняться внутренней реконструкцией слов, разработать этимологическую парадигматику: только сопоставляя результаты, полученные таким путем, можно прийти к строгому выводу, избежать произвольности в заключениях. Фонетические свидетельства, полученные в результате сравнительно-исторического анализа, не всегда оправдывают себя без изучения фонетических соответствий внутри данного языка, а главное — без реконструкций всех этимологических значений сопоставляемых слов.

Важную познавательную роль в этимологических изысканиях играет анализ моделей образования слов. Сходная модель, основанная на единстве аффиксов и структуры корневых морфем, не может появляться у языков генетически и типологически неродственных, во всем чуждых друг другу.

Такого рода тождественные модели образования слов можно установить в тюркских и монгольских языках, особенно на древнейшем этапе их исторического развития.

Известно, что многие односложные и двусложные именные слова как в тюркских, так и в монгольских языках в исходе оканчиваются на сонорный *p//л*, иногда с дополнительной гласной в конце, что чаще всего бывает в древнемонгольском и современном бурятском языках. По нашему мнению, бурятское полногласие, т. е. тенденция почти каждую согласную в слове снабжать огласовкой и образовывать слоговую структуру по типу CV, вызвано характером акцентуалогической надстройки.

В бурятском языке слабое экспираторное ударение, чаще всего смещающееся на конечную позицию, не подавляя гласных предшествующих слогов, способствует сохранению и появлению редуцированных и свёрхредуцированных гласных в последующих

и предшествующих слогах. В монгольском и калмыцком ударение тяготеет к начальному слогу, следовательно, сильно чувствуется аббревиация слогов:²¹ бур. диал. *алахаха*, монг. *аллах* 'шагать'; бур. диал. *гуйлэгэхэ*, монг. *гуйлгэх* 'заставить бежать'; бур. диал. *сөхөрөхө*, монг. *цөхрөх* 'удручаться от усталости'; бур. *убадис*, монг. *увдис* 'чары, волшебство'; бур. разг. *убадисалаха*, монг. *увдислах* 'зачаровывать'; бур. диал. *набтагар*, монг. *навтгар* 'низкий' и т. п.

С учетом этого обстоятельства мы приступим к анализу монгольских именных образований с конечной *-р* или *-р+гласная*. В древнемонгольском и бурятском отмечаются слова с *-р* без гласной на исходе, но с предшествующими двумя и более гласными: *шавар* 'глина'; в словах с одной гласной в подавляющем большинстве *р* встречается с дополнительной гласной в исходе: *а-ра* 'зад', *тэ-рэ* 'этот', *ху-ра* 'осадок', *ха-ра* 'черный' и т. д. (Исключения — *га-р* 'рука' и некоторые другие).

В монгольских языках конечные *р* и *р+гласная* в большинстве случаев представляют собой омертвевший и крайне непродуктивный суффикс не только в современных, но и в древнем монгольском языке.

Приведем примеры с выделением корневых элементов путем сравнения однокоренных слов: бур., монг. *нөх-р* 'друг', 'спутник', бур. *нөх-сө-л* (орфогр. *нүхэсэл*), монг. *нөх-цө-л* 'что-нибудь сонутствующее'; бур., монг. *нөх-ө-х* 'приставлять что-нибудь к чему-нибудь'; бур. *тэ-рэ*, монг. *тэр* 'этот', бур. *тэ-дэ*, монг. *тэд* 'эти'; бур. диал. *сай-р* 'прибрежная белая галька', литер. 'алюминий', монг. *цай-р* 'алюминий', бур. *сай-х*, монг. *цай-х* 'белеть', 'отливаться белизной'; бур. *бай-ра*, монг. *бай-р* 'стоянка', 'квартира', бур., монг. *бай-ха* 'стоять', 'находиться'; бур. *бү-ри*, монг. *бүр* 'совсем', 'полностью', 'каждый', 'всякий', бур., монг. *бү-рэн* 'все', 'полностью', 'целиком', 'весь', 'целый', 'каждый'; бур. *бү-хэн*, монг. *бү-х* 'весь', 'всё', 'все', 'каждый', 'всякий'; бур. *шо-ро*, монг. *шо-р* 'заостренная палка', 'вертел', бур. *шо-бо-хор*, монг. *шо-в-гор* 'остроконечный', 'конусообразный', бур. *шө-бө-гө*, монг. *шө-вө-г* 'шило' и т. д.; монг. *сү-р* 'духовное величие', 'мощь', 'могущество', письм. мо. *сү-т* 'величественный', 'сиятельный', 'внушающий страх', *сү-нү-сүн* 'душа', 'дух'; бур. *суу-р*, монг. *цуур* 'дудка' (название растения со стволем, полым внутри), бур. *суу*, монг. *цуу* 'насквозь', 'напролет', бур. *суу-ла-ха*, монг. *цуу-ла-х* 'пробить насквозь', 'сделать дыру'; бур., монг. *өдө-р* 'день', *өдө* 'солнечный зенит', 'полдень'; бур., монг. *униа-р* 'дымка', 'марево', бур. *уняа-р*, бур. диал. *уняа-н* 'дымная мгла', 'смог', бур. *уни-н* 'дым'; бур. зап. *гэ-р* 'свет лучины', 'лучина',

²¹ У. Ш. Байчура. Инструментальные данные об ударении и интонации в алтайских языках. В сб.: Проблема общности алтайских языков. Тезисы докладов. Л., 1969, стр. 68.

бур. *гэр-дэ-хэ* 'освещать', 'лучить рыбу', *гэ-рэ-л* 'свет', бур., монг. *гэ-гээ(н)* 'свет', 'заря', 'рассвет'; бур., монг. *най-р* 'пир', 'веселье', 'любезность', 'вежливость', бур. *най-ж*, монг. *най-з* 'друг', 'приятель', *най* 'дружба', 'дружественное расположение', *най тавих* 'вежливо уступить' (место, дорогу и т. п.); бур., монг. *мо-р* 'след', 'путь', 'строка', монг. *мо-ш-гө-х* 'выслеживать', 'идти по следам', 'обшивать', 'оторочка', бур. *мо-ш-хо-хө* 'выслеживать', бур. *дэ-рэ*, монг. *дэ-р* 'подушка', *дэ-с* 'под', 'следующий', 'второй', *дэс түшмэл* 'заместитель', *дэ-д* 'под', *дэд станц* 'подстанция', *дэд сайд* 'вице-президент'; бур., монг. *хавда-р* 'опухоль', ср. монг., бур. *хавда-х(а)* 'опухать'; бур. *дө-рө* (орфогр. *дүрэ*) 'навык', 'умение', 'склонность', 'прием', 'ухватка', 'подход', монг., бур. *дэ-м* 'находчивость', 'манера', 'навык', 'умение', 'подход', 'способ действия' и т. п.; бур. *хэ-р* 'насколько', 'в какой мере и степени', монг. *хи-р* 'мера', 'предел', 'насколько', 'в какой мере', 'примерно' и т. п., бур., монг. *хэ-м* 'мера', 'предел', 'рамки' и т. п.; бур. диал. *шэ-рэ* 'сыромятная кожа', 'шкура', 'мышечная связка', письм. мо. *ши-ри*, монг. *ши-р* 'сыромятная кожа', 'шкура', *ши-р-э-х* 'стегают', 'подстегивать', 'прошивать', бур. *шэ-дэ-хэ*, монг. *ши-дэ-х* 'простегивать', 'метать', 'шить крупными стежками' и др.

Помимо имен существительных омертвевший аффикс обнаруживается в структуре имен прилагательных и наречий, т. е. в тех частях речи, которые в монгольских языках близко сходятся и во многом генетически общи: бур., монг. *до-р(о)* 'внизу', 'вниз', бур. 'низкий', 'плохой', *до-о* (< *до-го*) в *доо тээн* 'на нижней стороне', 'под визом', *до-о-шо* 'вниз'; бур., монг. *дээ-р(э)* 'верх', 'кверху', 'поверх', бур. *дээ* 'верхний', 'наверху', *дээ тээ нь* 'на верхней стороне', бур., монг. *дээ-д(э)* 'верхний', 'верховный', 'высший' и т. д.; калм., монг. диал. *наа-р(а)* 'ближний', 'посторонний', бур., монг., калм. *наа-на* 'здесь', 'ближний', 'посторонний'; калм., монг. диал. *цаа-р(а)* 'дальний', 'потусторонний', бур. *саа-на*, монг., калм. *цаа-на* 'там', 'дальний', 'потусторонний'; бур., монг. *тох-и-р* 'кривой', 'согнувшийся', 'скрюченный', 'искривленный', 'изувеченный', бур. *тох-ий-хо* 'пригибаться', 'искривляться', бур., монг. *тох-ой* 'изгиб', 'излучина', 'лука' (реки, седла), 'локоть' и т. п., *тох-и-р* (*о//а*) 'кривой', 'изогнуться', *тах-ий-х(а)* 'искривляться', 'изгибаться', 'скрючиваться'; *тах-и-м* 'коленный сгиб' (сзади); монг. *тач-и-р* 'скудный', 'слабый', бур. *таш-а-р* 'сухощавый', 'сжатый', 'ущемленный', ср. монг. *тач-уу* 'тесный', 'узкий' (например, об одежде), 'сжимающий'; бур., монг. *там-и-р* 'мощь', 'сила', 'энергия', *том(о)* 'крупный', 'мощный', 'рослый', 'большой' (чередование *а//о*); бур., монг. *өн-дө-р* 'высокий', *өн-дө-й-х(ө)* 'приподниматься'; бур., монг. *нам-та-р* || *нав-та-р* 'низкий', *нам-тай-ха-* || *нав-тий-х* 'сгибаться', 'пригнуться', 'принизиться'; бур., монг. *тэв-хэ-р* 'ровный со всех сторон', 'квадратный', 'угловатый', *тэв-хий-х* 'виднеться', 'стать

ровным, квадратно-угловатым'; бур., монг. *тав-ха-р* 'низкий', 'ровный со всех сторон', 'грузный', 'низкого роста', *тав-хай-х* 'быть низким и ровным, грузным и низким'; бур., монг. *сэн-хэ-р*, монг. *цэн-хэ-р* 'светло-голубой', бур. *сэн-хы-хэ*, монг. *цэн-хий-х* 'быть или казаться светло-голубым'; бур. диал. *сэн-хэ-г*, бур. *сэн*, монг. (*э/а*) *цан* 'иней', 'изморозь'; бур. диал., монг. *хөш-ө-р* 'окоченевший', 'неуклюжий', 'одеревеневший', бур. 'тяжелый', 'трудный', 'тягостный'; монг. *хөш-и-х*, бур. диал. *хөш-ө-хө*, бур. *хүш-э-хэ* 'коченеть', 'застывать', 'деревянет', 'окостеневают'; бур. диал., монг. *хонг-о-р* 'белый с желтоватым оттенком', 'буланый', 'белокурый', письм. мо. *хон*, бур. диал. *хон* || бур., монг. *хун* 'лебедь'; бур., монг. *хонх-о-р* 'углубленный', 'углубление', 'выбоина', 'впадина' и т. д., *хонх-ой-х(о)* 'иметь углубление', 'быть впалым' и т. д.; бур. диал. *шон-х-о-р* 'вытянутый', 'острый' (о клюве), *шон-х-ой-хо* 'выдаваться вперед' (о морде животных, о лице, о клюве и т. д.), 'быть вытянутым'; бур., монг. *хов-о-р* 'редкий', 'скудный', 'незначительный', бур. *ов-о-р* ~ *об-о-р* 'невзрачный', 'неважный', 'хилый', 'слабый' (с выпадением *х*), бур. диал. *хов-х-ой-хо* 'быть сжатым, прищемленным, невзрачным'; бур., монг. *дот-о-р* 'внутренний', 'внутренность', монг. *дот-о-гш* 'внутрь', бур., монг. *дот-нө* 'внутренний', 'близкий', 'родной', 'интимный'; бур. *ох-т-о-р* ~ *ог-т-о-р* > *ох-о-р*, монг. *ог-о-т-о-р* 'короткий', 'кургузый', письм. мо. *ог-то-л-о-ху*, монг. *ог-т-л-о-х* 'резать', 'рубить'; бур., монг. *ах-а-р* 'короткий', 'низкий', бур. *ах-и-р* 'слабый', 'немогущий', 'недостаточный', *ах-и-ха* 'сокращать', 'уменьшать', 'укорачивать' (переносно 'обгонять'), монг. 'приближаться постепенно', 'продвигаться', 'повышаться', 'увеличиваться', бур. *ах-и-л* 'сокращение', 'уменьшение', *ах-и-лга* 'сокращение', 'уменьшение', 'укорочение', 'перегон в беге' и др.

Приведенные выше примеры подтверждают, что в монгольских (очевидно, и в тюркских языках) конечный *-р* или *-р* (+ гласный) представляет собой омертвевшую морфему, органически слившуюся с первоначальным, более примитивным корнем, и что такие слова, как *мөр* 'след', *найр* 'пир', *гэрэ* 'лучина', *тахир* 'кривой', *өндөр* 'высокий', *хөшөр* 'окоченевший', *доро* 'низ', 'нижний', *дээрэ* 'вверху', *цаара* 'дальний', *наара* 'ближний', *шоро* 'вертел' и ряд других могут быть сведены к более простым по своей структуре единицам-морфемам.

Перечисленные нами факты дают основание рассматривать с достаточной уверенностью корни первичных имен, подобных *хара* 'черный', *шара* 'желтый', *боро* 'серый', *хура* 'осадок', *ямар* 'какой', как имена с омертвевшими фузирванными аффиксами *-ра*, *-ро*, *-р*, что выражено и в их регулярной повторяемости. Интересно, что в дунсянском языке *-ра* является функционирующим суффиксом прилагательных и причастий. Прилагательное, образованное при помощи этого суффикса, приобретает значение 'склонный к чему-либо': *тосун* 'масло', *тосу-ра* 'становиться жир-

ным, маслянистым'.²² В ряде слов в дунсянском конечный -р отсутствует там, где в других монгольских представляется корневым согласным: *ка* 'рука', монг., бур. *гар*; *око* 'короткий', монг., бур. *огтор*; *унду* 'высокий', монг. *ондор*; *ниу* 'лицо', монг. *нуур*, бур. *нюур*; *эвэ* 'рога', монг. *эвэр*, *уду* 'день', монг. *өдөр*, и др. Это тоже один из признаков этимологической членности слова с конечной -р.

Монгольские языки позволяют выделить начальный слог в качестве корневых элементов в названиях цветов *хара*, *шара*, *боро* еще на том основании, что в монгольских языках имеются так называемые усилительные частицы или наречия, как бы повторяющие корни или основы соответствующего слова. Примеры на имена: *шоб шоб-хо-р* 'остро-преострый' (ср. *шоб-ой-хо*), *тэб тэб-хэ-р* 'плоско-преплоский' (ср.: *тэб-хэй-хэ*); бур. диал. *нам нам-та-гар* 'низко-пренизкий' (ср.: *нам-тай-ха*); *нил нил-ха-гар* 'плюснуто-приплюснутый' (ср.: *нил хай-ха*); *тэр тэр-тэ-гэр* 'вытянуто-превытянутый' (ср.: *тэр-тэй-хэ*); *бар бар-ба-гар* 'лохмато-прелохматый' (ср.: *бар-бай-ха*) и др. Примеры на глаголы: *цуу цохих* 'бить насквозь' (*цуу* > *цуу-ла-х* 'продырявить'), *зад цохих* 'ударить вдребезги' (*зад* > *зад-ла-х* 'раскрыть', 'разбить'); бур. *ходо гараха* 'проехать' (*ходо* > *ходо-ло-хо* 'вытащить', 'выгнуть'); *бяз нудрах* 'ударил вдребезги' (*бяз* > *бяз-ла-х* 'раздавить', 'раздробить'); *тас хахлах* 'разорвать' (*тас* > *тас-ла-х* 'рвать') и пр. Обычно полагают, что эти усилительные частицы-корни являются начальными слогами или оторванными от остальных морфем слова корнями. Нельзя представить дело так, будто корни или основы без всяких на то оснований «оторвались» от слов и стали функционировать в роли усилительных частиц.

Мне думается, что они — не результат какого-то механического дробления слова, а собственно корни или основы (более первичные), которые некогда путем редупликации, как это наблюдается в монгольских языках и посейчас, усиливали соответствующие значения. И в качестве единицы редупликации они сохранились при морфологически оформленных словах. (Ср. бур. *улаан* 'очень красный', *сэгээн сэгээн* 'пресветло-голубой', *олон олон* 'очень много', *ява ява* 'иди скорее', *хара хара* 'смотри как следует' и т. п.).

В роли подобной усилительной частицы в некоторых монгольских языках и их диалектах реликтивно сохранились начальные или первичные корни отдельных наименований цветов. Это наблюдается, по данным Б. Х. Тодаевой, в дунсянском языке: *кара* 'черный', *ка кара* 'черный-пречерный'; *чыган* 'белый', *чы чаган* 'белый-пребелый'; *ногон* 'зеленый', *но ногон* 'зеленый-презеленый'.²³

²² Б. Х. Тодаева. Дунсянский язык. М., 1961, стр. 26.

²³ Там же, стр. 25.

Для нас существенны следующие моменты. Во-первых, самостоятельно функционирует элемент *ка* без конечного *-p(a)*, — это свидетельствует о том, что последний рефлексится как отдельная морфема-аффикс. Во-вторых, функционирование элемента корня *чы* (*чыган*) по тому же типу, что *ка*, подкрепляет тезис о самостоятельности *ка* в роли корневого элемента, так как *чы* в монгольском *ца-* явно вычленяется: ср. *ца-гаан* 'белый', *ца-й-х* 'белеть', *ца-с* 'снег', *ца-га-с* 'бумага', *ца-а-с*, *ца-н* 'иней'; в чередовании *а//э* *цэ-гээн* 'светло-голубой', *ци-й-х* 'белеть', *ци-й-дэ-м* 'вода с молоком', *цэ-н-хэ-р* 'светло-голубой'. В-третьих, *ка*, *чы* и другие подобные корневые элементы выступают как усилительные частицы.

Итак, путем внутренней реконструкции языковых фактов подтверждается мысль, что название цветов с конечными *-p(a)* имеет на монгольской почве такую же крепкую основу, как и все другие названия цветов. Нет оснований их считать заимствованными ни в тюркские языки из монгольских, ни в монгольские из тюркских. Все это свидетельствует, по-видимому, о генетических связях между этими языками.